

ДАР БОГА ИСЧЕЗ

Много тысяч лет назад — даже сам дракон Ватацуми потерял счёт времени и не смог бы точно сказать, когда всё произошло, — он сидел в своём хрустальном замке на дне Драконьего моря и печалился из-за пустоты, что снесла его бессмертную душу.

Он мог бы отправиться на запад — к материку или на восток — в глубины моря, но ни лесные, ни морские жители не казались ему в достаточной степени разумными и интересными, чтобы разделить с ними беседу. А боги... Боги были слишком увлечены собственными делами, чтобы вникать в чужие слова. Кроме того, они были слишком заносчивыми — равными Ватацуми, — тогда как он начал подозревать у себя желание получить больше власти и признания. Не столько из тщеславия, сколько из слабой надежды на то, что чужое почитание сделает его существование интересным и — что важнее — осмысленным.

Но где найти тех, кто будет его восхвалять? Кто станет строить храмы в его честь, приносить ему дары, обращаться к нему свои молитвы? Добиться этого от независимых ёкаев с земли? Легче захлебнуться, умея дышать под водой, и умереть, будучи бессмертным. От морских гадов? Так те и вовсе не понимают, что у них есть божество. Живут себе, едят, спят, плодят потомство — ничего им больше не нужно.

— Потомство...

Дракон услышал собственный голос — он опять заговорил вслух. Ватацуми неспешно подплыл к длинному столу и осматрел одну за другой дюжину жемчужин. С их помощью он управлял приливами и отливами, морским дном, течениями и подводными жителями.

Ватацуми крепко задумался.

— А может, и правда? Может, создать новых существ, выделить им особое место неподалёку? На севере от замка как раз достаточно свободных тё*. Очистить от водорослей, поднять повыше...

Он замолчал, но продолжил расчёты в уме: как изменить рельеф, сделать почву пригодной для наземной жизни и — самое главное — как и кем заселить новый остров? Не было сложности в том, чтобы создать место, но рыб на сушу не выгонишь и разума им не добавишь. Лишь прямое потомство бога способно чтить своего отца.

Решение пришло само, когда к дракону явилась с материка Инари.

— Ватацуми, милый, здравствуй, — девушка проплыла над хрустальным полом в сторону жемчужин. Рыжие волосы богини разметались пламенем в его холодных водах.

Ватацуми сдержанно поклонился гостье.

— Приветствую, лисица.

— Как давно мы не виделись? Уже и не вспомнить, правда? — она приподняла уголок тонкогубого рта, обнажая правый клык, и окинула любопытным взглядом арсенал дракона. — Смотрю, ты здесь совсем обжился. Интересно у тебя всё устроено. Управляешь морем при помощи жемчуга?

— Так проще концентрировать энергию.

* Тё — мера площади, примерно равная 0,99 гектара.

Ватацуми повёл плечом, чувствуя, как перестраиваются кости, мышцы, сухожилия, как меняются позвоночник и черепная коробка, а обновлённые внутренние органы занимают свои места. Дракон не очень любил превращения, но сейчас счёл это необходимостью. Любовь к облику Создателя — то немногое, что он сохранил в памяти об Инари. Так что спустя мгновение на месте дракона стоял мужчина. Он мельком глянул на отражение в идеально гладкой поверхности пола — на свои тонкие руки и ноги, — проверяя, получилось ли скрыть за изящной внешностью истинную силу. Прямые чёрные волосы плавно легли на выпирающие ключицы. Ему нравилось, как искусно он вылепил из себя это тело. С виду и не поймёшь, кто в нём спрятан. Только глаза — лазурные, цвета его моря — остались прежними, в них всё так же отражалось каждое мгновение прожитых лет. К сожалению, взгляд — единственное, что изменить невозможно. Глаза всегда отражают его Kami. А потому не могут выглядеть иначе.

Ватацуми шагнул в сторону и слегка поморщился: это тело было непривычно чувствительным, прикосновение к полу раздражало кожу, а вода мешала двигаться. Он прикрыл глаза и, на мгновение застыв, изгнал воду из замка. Та отхлынула через все окна и арки в открытое море, избавляя от себя богов. Как только на хрустальном полу иссякли последние ручейки, Ватацуми протянул руку к стенной нише, достал шёлковое кимоно цвета тины и быстро набросил его. Нагота не смущала, но родной дом внезапно стал неудобным.

Принимая этот жест гостеприимства, Инари благодарно улыбнулась, поправила волосы, на которых не осталось ни капли влаги, и осторожно коснулась одной из жемчужин.

— Значит, и без них можешь. — Нежно погладив поверхность бывшей песчинки, она снова взглянула на Ватацуми. — Таким ты мне больше нравишься.

Приблизившись к ней, Ватацуми накрыл тонкими пальцами ладонь Инари и аккуратно снял с жемчужины её руку, не выпуская из своей.

— Так что, лисья богиня, чему я обязан такой честью? Ты ведь не для того пришла, чтобы любоваться жемчугом, — он слегка подался вперёд и заглянул в глаза Инари, в них шумел изумрудный лес её владений. — Тебя что-то тревожит.

Она вздохнула и попыталась освободить ладонь.

— Рыба.

— Рыба? — Ватацуми сжал пальцы крепче, и Инари послушно расслабила руку.

— Моим лисам нужна рыба. Они заполнили собой весь лес. Полёвки не успевают плодиться из-за их непрерывной охоты, — горько усмехнулась девушка.

— Интересно вышло...

— Не особенно. Это мой первый эксперимент с животными...

— И ты, что же, не дала подопечным выбора в питании?

— Дала, конечно! — в зелёных глазах вспыхнуло отчаяние.

Его-то Ватацуми и надеялся увидеть.

Инари поморщилась.

— На южной окраине леса в горах живёт Каннон. Уверена, ты знаешь эту кошку. Животные находятся под её опекой, и, конечно, она не очень хочет ими делиться. А я не могу портить с ней отношения, мы ведь на одной территории. Я едва выпросила полёвок, и то не сразу. Бедные кичунэ сначала вообще ели только ягоды и фрукты. Можешь представить себе хищников, питающихся травой? Им нужно мясо. Они, конечно, и на растениях могут протянуть, но я создавала их всеядными для подстраховки, а не для того, чтобы потом перевести охотников на диету из корешк...

— Хватит. — Ватацуми поднял руку, прерывая тираду гостей. — Это ваши дела. Чего именно ты ждёшь от меня?

Она замялась, всем видом выражая своё смущение.

— Я подумала: если мои кицунэ не могут есть животных, может, ты поделишься с ними рыбой?

— Иными словами, ты хочешь, чтобы я отправил своих подопечных погибать от когтей и зубов твоих зверей, потому что ты не смогла грамотно установить природный баланс? Почему мои рыбы должны платить жизнью за твои ошибки?

— Ватацуми... — выдохнула она. Он едва расслышал в этом вздохе своё имя.

— Инари, — он не отрывал взгляда от её глаз, упиваясь мольбой и надеждой в них, — каким я буду после этого правителем?

— Я всё понимаю, — голос оставался тихим, а слова — едва различимыми, — но мне больше не к кому обратиться. — Её плечи поникли. Взгляд опустился, бессмысленно заскользив по полу. Рука, всё ещё зажата в мужской ладони, обмякла.

Обречённая девушка, осознавшая свою нужду, открывшая своё бессилие. Ватацуми видел перед собой не богиню, но собственный шанс. Он аккуратно поддел её подбородок.

— Посмотри на меня.

Инари подняла глаза. Он постарался вложить в свой взгляд всё участие, на которое был способен.

— Я не могу жертвовать своим народом ради твоего. И не стану.

— Но...

— Я не договорил.

— Извини, — она опять потупилась, но рука мужчины не позволила склонить голову. Он поднял её подбородок выше, заставляя снова смотреть в глаза.

— Я не могу жертвовать своим народом, но это не значит, что я не могу помочь.

Он замолчал. Девушка смотрела на дракона со смесью недоверия и надежды.

— В Шику будет река. Она возьмёт своё начало на севере южных гор, пройдёт через лес и к северо-востоку от него впадёт в море. Там поселятся пресноводные рыбы, но твоим кицунэ строго запрещено лишать кого бы то ни было жизни.

Глаза богини округлились.

— Ты решил просто подразнить их? Они, конечно, могут глотать её живьём, но вряд ли ты это имеешь в виду, — Инари по-лисьи фыркнула и попыталась отвернуться, но Ватацуми снова удержал её лицо, не позволяя разорвать зрительный контакт.

— Дослушай. С конца времени роста и до середины времени жизни в реку будет заплывать лосось на нерест. После нереста он, подарив жизнь следующему поколению, умирает. Твои лисы могут убивать только тех, кто уже отнерестился. Они будут питаться свежим лососем раз в год в течение нескольких месяцев. — Наконец он отпустил её лицо, но в этот раз Инари не шелохнулась. — Этого будет достаточно?

— Да, — выдохнула она.

Ватацуми улыбнулся, но ничего не сказал. Он ждал.

— Что я могу сделать для тебя взамен?

Дракон отпустил ладонь Инари и не спеша обошёл богиню, встав у неё за спиной. Тонкие пальцы скользнули по её предплечью и поднялись к шее. Он осторожно поддел рыжую прядь, открывая ухо, наклонился и прошептал, намеренно задевая губами чувствительную кожу:

— Твоя благодарность доставит удовольствие нам обоим.

— Такова великая история сотворения Шинджу — жемчужины Драконьего моря.

Учитель гордо поднял подбородок, прикрыл глаза и застыл, будто не пересказал в сотый раз всем известную легенду, а самолично положил начало людскому роду. Киоко невольно хихикнула, чем навлекла на себя строгий взгляд. Пришлось поспешно опустить голову и спрятать улыбку за лёгким поклоном.

— Да, Акихиро-сэнсэй. Спасибо за рассказ.

Мужчина провёл рукой, испещрённой глубокими морщинами, по длинным серебряным волосам и недоверчиво покачал головой.

— Ох, Киоко-химэ, вы ведь принцесса, вам подобает ценить столь изящные истории. Разве она не прекрасна? Разве не видите вы того, *что* тогда случилось? Это ведь наше прошлое, заложившее традиции страны. Одна из ваших обязанностей — чтить это прошлое, — его скрипучий голос и неизменно нравоучительный тон нагоняли тоску.

Киоко прекрасно знала свои обязанности. Она почтала традиции, прилежно училась и любила свою страну. Но некоторые вопросы не давали ей покоя. Один из них — зачем?

Императором женщине не стать. И хотя женщины были средоточием искусства Шинджу — ими восхищались, их восхваляли, их превозносили, — власть как скучное и совершенно не изящное занятие оставалась у мужчин. И повлиять на что-то Киоко при всём желании не могла. Строго говоря, ей и в правящей семье жить осталось недолго. Завтра она выйдет замуж и переедет

во дворец сёгуна*, станет одной из многих придворных дам, и все её познания в истории не будут иметь никакого смысла. То ли дело литература, живопись и театр — то, к чему она была равнодушна до сих пор, должно стать частью её придворной жизни, если, конечно, она хочет обзавестись подругами. Странно, что учитель раз за разом возвращает её к истории, словно позабыв о скором будущем принцессы.

Эта мысль беспокоила, но Киоко отмахнулась от навязчивой тревоги — все нервничают перед свадьбой, она не должна поддаваться панике. Да, жизнь не будет прежней, но она готовилась к этим переменам.

Хотела ли она их? А хотела ли Инари отдаваться Ватацуми и рожать для него первого императора Шинджу? История сотворила традиции, а они диктуют уклад. Значит, так верно. Что верно — то не должно беспокоить её ум. Она станет достойной женой своему мужу и родит ему прекрасного наследника.

Но почему от этой мысли становится так тоскливо?

Учитель смотрел строго, выжидательно. Молчание затянулось дольше всех норм приличия.

— Прошу прощения, учитель. Я внимательно вас слушала и знаю эту историю.

Акихиро медленно кивнул — длинная борода покачнулась. Он собрал со стола свитки, которые так ни разу и не раскрыл за время урока, и поднялся на ноги.

— Киоко-химэ, — в старческом голосе теперь звучала забота. — Беспокойства ваши все на лице написаны. Аккуратнее думайте. Кому-то может не понравиться, что вы сомневаетесь.

* Сёгун — старший военачальник, в данном случае одновременно великий министр и советник императора.

Киоко кивнула, стараясь не выдать своего удивления, но лицо против воли дрогнуло. Учитель никогда не отличался особой проницательностью. Наоборот, он не обращал внимания даже на её детские выпады, а все опасные вопросы, которые она когда-то имела неосторожность задавать, поворачивал в нужную ему сторону.

Так, однажды она спросила, почему девушки не могут править страной. На лице учителя появилась добрая улыбка: «Конечно, могут, Киоко-химэ, конечно, если будут чтить традиции, уважать прошлое и знать историю своего рода». А затем он улыбнулся ещё шире и добавил: «Такая девушка сможет выйти замуж за твоего брата и стать женой императора, матерью преемника, чтобы править страной через потомков».

Сначала Киоко думала, что учитель так подшучивает над ней. Но со временем стало понятно: старик свято верил в то, что говорил.

Как-то раз отец поручил своему советнику понаблюдать за успехами принцессы и, как она позже узнала, заодно проверить, не утратил ли ещё Акихиро-сэнсэй способности к обучению. Старик не выказывал никакого волнения, уверенный в своём деле, а вот Киоко распереживалась. Она всегда боялась семью Сато, а их глава Мэээхиро-доно и вовсе нагонял на неё ужас одним своим видом. Правда, волнения улетучились уже через один коку* — когда Киоко впервые услышала от пожилого учителя легенду о сотворении людей. Тогда она, десятилетняя девочка, которая упрямо не хотела усваивать нормы приличия и ещё

* Коку — мера времени, примерно равная получасу. Четыре коку составляли время одной стражи. Всего стражей в сутках — двенадцать, смену каждой знаменует бой барабана.

не подозревала, к чему может привести свободное высказывание мыслей, озадаченно спросила:

— Акихиро-сэнсэй, а почему Ватацуми не рассказал Инари всю правду и не спросил у неё, вдруг она бы и так согласилась? Зачем обманул, сделал так, что она осталась должна?

Киоко по сей день помнит хмурый взгляд сёгуна. Его лицо перекошило от гнева, и взгляд, полный осуждения и готовности вынести приговор, впился в учителя. Стоило отдать должное Акихиро-сэнсёу: все морщинки на его лбу остались неподвижны. Он улыбнулся той самой доброй улыбкой и ответил своим неизменно поучительным и снисходительным тоном, которым взрослые разговаривают с маленькими детьми:

— Вы правы, Киоко-химэ, — при этих словах лицо Мэээхиро-доно вытянулось ещё сильнее, но учитель не обратил на это внимания и продолжил, — мог он, без сомнений, и рассказать, и помощи просить, просить на встречу пойти. Так поступила бы женщина. И потому вы будете прекрасной женой, раз задаёте такой вопрос. Другое дело, что Ватацуми — бог, дракон, владыка моря, что омывает наши земли. Как и все мужчины страны Шинджу — его потомки, — под своей невероятно изящной чешуёй он скрывает честолюбие и властность. Мужчины не просят, они берут. Но берут мягко, играючи, никогда не силой. Другое дело — женщины, дочери богини Инари: просят у сильных мужчин и благодарят их за доброту, за поддержку и помощь.

Учитель умело перевернул слова Киоко и вмиг превратил её в глазах сёгуна из мятежницы, везде видящей несправедливость, в кроткую и послушную девочку, которая и мыслит по-девичьи, а значит, что с неё взять.

Со временем она даже себе перестала задавать неудобные вопросы — те, что ставили под сомнение традиции и общий уклад жизни. Хотя иногда в голову лезли непрощенные мысли. Киоко годами изучала культуру своего государства, училась чтить её и убеждала себя, что ей повезло родиться принцессой в этой богатой и величественной стране. Стране, которую выбрал дракон. Но иногда, особенно тёмными вечерами, когда солнце давно скрылось за горизонтом, дворец же затих и уснул, в окружении подушек и одеял она чувствовала невыносимую тоску. Будто всё в жизни неправильно. Будто она рыба в тесном ящике. В красивом, обшитом многими слоями дорогих полупрозрачных тканей, словно высланном всеми её нарядами, ящике, за стенками которого от неё прячут море.

Днём такого почти не бывало. Только изредка отголоски грусти по неизведанному могли случайно пробиться наружу, но вскоре забывались за учёбой и мирно текущей жизнью. Так неужели эти мгновения сомнений так ясно отражаются на её лице?

Киоко заставила себя выпутаться из липкой паутины воспоминаний, опустила глаза и тихо согласилась:

— Вы правы, Акихиро-сэнсэй. Спасибо за этот урок.

Старик учтиво поклонился и вышел, оставив Киоко наедине со множеством мыслей и абсолютным непониманием, как эти мысли усмирить, раз вежливая улыбка оказалась недостаточным прикрытием.

Стоило Киоко выйти из кабинета, как мимо пронёсся чёрный вихрь, едва не сбив её с ног.

— Норико! Ты чего так носишься? Это ведь дворец, ходи чинно, как и подобает императорской кошке. Двор и так меня недолюбливает, не подавай им новых поводов.

Вихрь развернулся на полной скорости и врезался в правую ногу девушки. Кошка потёрлась о её лодыжку и тихонько проурчала, так, чтобы не услышал никто посторонний:

— Во дворце всё вверх дном перевернули.

Киоко тут же понизила голос.

— О чём ты говоришь?

— Кто-то из слуг пошёл за Кусанаги для завтрашней церемонии, — на кошачьей морде заиграла ухмылка, — а его нет.

— Подожди, что значит нет? Как нет?

— То и значит — нет, — голос Норико оставался спокойным, но Киоко не могла разделить эту невозмутимость. Никто, кроме императора и хранителей, не знал, где находится меч Кусанаги. Его и доставали всего раз в несколько лет — когда приходит пора передать трон новому императору или сыграть свадьбу одного из членов правящей семьи.

— То есть его потеряли?

— Нельзя потерять то, что не успел взять, — резонно заметила Норико. — Скорее украли, — она задрала хвост и направилась дальше по коридору. — Идём, поговоришь с императором, спросишь, в чём дело. Мне тоже интересно.

— И как ты это себе представляешь? «Отец, я тут поговорила со своей кошкой...»

— Не вздумай! — зашипела она, перебивая.

— Шучу я, шучу, — Киоко не сдержала смешок. — Что я буду делать, если тебя убьют?

Норико ничего не ответила, только раздражённо дёрнула хвостом и ускорила шаг.

Они вошли в императорские покои — ту часть дворца, которая отводилась под спальни правящей семьи, — и оказались в суматошной толпе прислуги, сновавшей

туда-сюда. Эта суэта резко контрастировала с привычным размеренным порядком. Коридоры, где обычно царила тишина, нарушаемая лишь редким шёпотом, теперь гудели множеством голосов, и в этом шуме невозможно было разобрать ни слова.

Киоко подхватила Норико на руки, чтобы ей случайно не отдавили хвост. Однажды неуклюжая служанка по неосторожности прищемила кошке лапу, и лекарь потом несколько коку зашивал бедняжке лицо. Ей повезло, что Киоко успела остановить Норико, иначе девушке было бы не миновать смерти. Служанка с тех пор не появлялась в этой части дворца — видимо, попросила определить ей новое место, и правильно поступила. Никто не смог бы пообещать, что Норико опять не нападёт на неё при встрече: не из мести, так из простой вредности.

Натура бакэнэко сначала злила Киоко, но годы дружбы сделали их терпимее друг к другу. Норико научилась слышать её, уважать людей и вовремя останавливаться, а Киоко окончательно приняла сущность странной кошки. Почти окончательно. Она старалась не думать, что эта кошка может в любой момент перегрызть кому-нибудь горло и превратиться в свою жертву. Она могла бы убить и Киоко, принять её облик и прожить жизнь принцессы Шинджу, но почему-то не делала этого. Киоко надеялась, что причина тому — их дружба и большая любовь Норико, но что-то подсказывало, что кошке просто претит дворцовая жизнь и тьма ограничений, которая этой жизни сопутствует.

Киоко вошла в свою комнату и закрыла дверь. На сёдзи* то и дело ложились тени слуг, мельгешащих снаружи, но в спальне ей стало легче, и она выпустила Норико из рук.

* Сёдзи — перегородка из бумаги васи и деревянной рамы.

— Кому вообще мог понадобиться этот кусок железа? Ни красоты, ни ценности, кроме связи с древней легендой.

— Понятия не имею, — кошка уселась в дальнем углу и стала остервенело вылизывать грудку: так она всегда пыталась смыть с себя «человечину», если сталкивалась со слишком большим количеством людей. — Но твоё замужество будет отсрочено.

— Почему?

Норико опустила лапу на пол и укоризненно посмотрела на Киоко.

— Если не ошибаюсь — а я точно не ошибаюсь, — этот кусок железа является неотъемлемой частью свадебного ритуала. Никакой другой меч его не заменит. Думаешь, император пренебрежёт многовековой традицией, выдавая дочь замуж? Он же верен Ватацуми как никто! Вот увидишь, свадьбы не будет, пока Кусанаги не найдут.

Киоко почувствовала, как в груди распускает нежные лепестки цветок надежды.

— Ты права, Норико. Мне и правда стоит поговорить с ним.

Говорить с отцом Киоко решила до обеда. Разговаривать с императором Мару во время еды было бы верхом неприличия, несмотря на семейные узы, поэтому она вышла на прогулку в сад, как раз туда, где дорожка из Светлого павильона, служившего залом для обсуждений государственных вопросов, вела во дворец Лазурных покоев — дом императорской семьи. На выходе Киоко едва не столкнулась с самураями, но вовремя свернула на тропинку, скрытую от посторонних глаз пышными розовыми кустами. Наверняка отец послал к ней охранников, но сейчас это могло навредить её маленькому плану.

Дождавшись, когда самураи скроются в тени галереи, она направилась к нужной дорожке. Киоко была мастером *случайных* встреч с императором. Ещё в детстве она поняла: хочешь внимания отца, который занят управлением страной, — изучи его расписание и позволь судьбе столкнуть вас в саду, на пути от одного важного дела к другому. Конечно, девять из десяти мимолётных встреч ограничивались улыбками и поклонами — отец редко бывал один, — но на десятый раз им всё-таки удавалось поговорить.

Киоко успела заметить, как от входа удаляются Мэзэхиро-доно и несколько даймё*, приглашённых в столицу на праздник. Значит, и отец вскоре должен появиться. И раз его вечный спутник сёгун покинул Светлый павильон, шансы на беседу резко возросли. Так что, выйдя на нужную дорожку, Киоко приняла беззаботный вид и стала неспешно прогуливаться в ожидании среди любимых цветов.

Сад Божественных источников невозможно не любить. Любой житель Шинджу отдал бы целое состояние за возможность оказаться здесь, но для Киоко он значил гораздо больше, чем для обычного посетителя. Сад был её домом, в котором она чувствовала жизнь глубже и полнее, чем где бы то ни было. Её притягивала сюда не только красота — часть её души была навеки связана с этим местом.

В детстве они с мамой всегда гуляли по саду и наблюдали за жизнью растений. Здесь были собраны самые необычные цветы и деревья, привезённые из всех уголков Шинджу. Каждый из них — источник дыхания Аматэрасу, солнечной богини. И пусть Киоко перестала любить

* Даймё — в Шинджу правители областей, как правило представители побочных ветвей правящей семьи Миямото.

око, молчаливо взирающее сверху, она всё ещё любила цветы — не было причин для иного.

Некоторые из них когда-то росли в западной части острова, но после войны там не осталось ничего, кроме выжженного рубца на теле империи. Теперь же этими цветами можно было полюбоваться лишь здесь, в императорском саду. И иногда — обычно когда вся семья Миямото в отъезде — сюда допускали подданных и приезжих, чтобы они смогли хотя бы раз узреть эту редкую красоту.

Сейчас сад благоухал и радовал глаза несчётным количеством красок. Киоко наклонилась и, залюбовавшись пыльным розовым цветом, погладила нежные лепестки. Во время прогулок с мамой она училась понимать утончённый язык цветов, самое важное искусство, — и это были её любимые уроки. В Шинджу никто не говорил о чувствах прямо — для этого существовала поэзия и цветы. Искренность и прямота — скорее порок, чем подарок: нет ничего изящного в признании, если оно не выражено бутоном и приложенной запиской.

Роза говорит о чувствах, но все определяет цвет: ни одна девушка не хотела бы получить от возлюбленного розовую розу — в ней нет ни нежности, ни искренности, лишь дань традициям. Невинный белый цвет показывает верность воина. Киоко часто получала белые розы от старшего брата Хидэаки. Она же всегда дарила ему жёлтые — знак дружбы и преданности.

Киоко прошла чуть дальше и остановилась у камелий. Вот чем можно выразить истинную любовь. Это верно для всех, кроме самураев. Для них красная камелия — то же, что для других красная роза. Слишком избито, слишком поверхностно. Жёлтая или белая подошли бы лучше, но ни страсть, ни томление не таят в себе

должного уважения. С этими цветами чаще посещают девушек из квартала удовольствий, чем возлюбленных.

От своего жениха, с которым была помолвлена с самого рождения, Киоко в первый раз получила цветок, который редко встретишь в чьих-то руках, — белый нарцисс, символ глубочайшего уважения. Он удивил всех, но вовсе не так, как Киоко того хотелось. Иоши до двенадцати лет не оказывал ей знаков внимания, что было воспринято всем двором как возмутительная грубость. Дворец наполнился слухами сначала о том, что сын сёгуна не знает приличий, а затем, увидев, как он преподносит принцессе нарцисс, придворные дамы зашептались в ещё большем негодовании: мальчишка, верно, издевается. Они видели в этом злую иронию, насмешку над невестой. Хотя мало кто из знати любил саму Киоко, правила всё же должны быть соблюдены. А подобное пренебрежение было хуже измены, ни одна женщина не пожелала бы подобного даже злейшему врагу.

К тому времени, как Иоши преподнёс Киоко нарцисс, она, наслушавшись от Норико сплетен, которые та собирала по всей округе, и видя равнодушие жениха, уже уверилась в отсутствии у него каких-либо чувств и мучилась от необходимости выйти замуж за такого сухого и нечуткого человека. Но первый цветок всё-таки появился. Киоко получила то самое внимание, которого ей недоставало, но она совсем не ожидала получить от жениха подобный цветок. Она поблагодарила Иоши и ничем не выдала досады, но решила больше не рассчитывать на чувства. Киоко старательно гнала из головы все мысли о свадьбе, сосредоточиваясь на учёбе. В тот год она даже попросила Акихиро-сэнсэя давать ей больше заданий, больше свитков на изучение и всегда спрашивать пройденное.

Вскоре она убедилась в верности своего выбора — целый год от Йоши не было никаких личных знаков внимания, только обязательные поздравления с праздниками, в честь которых все одаривали семью императора. Зато тысячелетняя послевоенная история увлекла её настолько, что Киоко то и дело посещала павильон Памяти — императорский архив — в поисках новых сведений. Много не сходилось в её голове, и чем глубже она погружалась в исследования, тем больше вопросов у неё возникало. Она даже пыталась отыскать что-нибудь о военных и довоенных временах, но выудить истину из легенд и домыслов оказалось непосильной задачей. Это увлечение, несвойственное большинству жителей дворца, предпочитающих не помнить о войне и ёкаях, не осталось незамеченным. Киоко чувствовала, как ширится пропасть между ней и другими ученицами дворца, которые прилежно изучают поэзию, каллиграфию и живопись. Пока они танцевали, учились играть на фуэ и читали свитки со стихами северных поэтов, Киоко всё глубже погружалась в прошлое острова, его предания и белые пятна утерянных событий. Удивительно, но учитель поддерживал её интерес, раскрывая перед ней всё новые события, пересказывая легенды и предания, заставляя перечитывать некоторые из них по несколько раз. В конце концов Киоко перестала волноваться из-за того, что её увлечения отличаются от занятий других девушек. Пусть в Шинджу, где вот уже тысячу лет царил мир, не разделяли её интерес к тёмным временам, она не страдала от одиночества. У неё уже была Норико, и если другие хотят считать её странной — что ж, остаётся только принять это с достоинством.

Так было до тех пор, пока Киоко не заметила плохо скрываемую скуку своих наперсниц, с которыми обучалась.

Акихиро-сэнсэй принёс новые свитки на изучение — о временах пятого императора, окончании войны и зарождении мира между людьми и ёкаями, но в обсуждении уже который урок кряду участвовала она одна. Тогда Киоко решила завершить общие уроки и попросила Акихиро-сэнсэя выделить время только для неё — и тот не смог отказать дочери императора. С тех пор Киоко училась в полном одиночестве во дворце Лазурных покоев и в павильоне Памяти, и больше ничто не отвлекало её от блужданий по лабиринтам истории.

На её тринадцатый день рождения Йоши снова появился с цветком, тем же белым нарциссом. И на четырнадцатый, и на пятнадцатый. Но Киоко уже не придавала этому никакого значения, да и придворные дамы с каждым годом издавали всё меньше неодобрительных вздохов во время дарения, смирившись с неудачной судьбой принцессы.

Завтра ей шестнадцать. И у них должна была состояться свадьба, к которой Киоко готовили всю жизнь. Возможно, и состоится. И если так, она выйдет за Йоши замуж, даже если он к ней ничего, кроме уважения, не испытывает. Даже если и это уважение — действительно злая шутка. В конце концов, они друг для друга почти незнакомцы. Кто знает, как сложится потом...

Киоко отстранилась от цветущего куста и посмотрела вдаль — туда, где блестела гладь священного озера Кокоро. Если она всё же выйдет замуж, то сделает всё, чему так долго и тщательно обучала её Аими-сан. Она станет хорошей супругой и матерью. Несмотря ни на что.

Некоторое время спустя из Светлого павильона вышел император в сопровождении двух самураев из его личной охраны. Киоко тут же слегка улыбнулась, якобы позволяя себе беспечность от счастья наблюдаемой красоты

и изменяя своей обычной женской сдержанности. Она развернулась к ним спиной и медленно зашагала к галерее, ведущей в обеденный зал, зная, что на полпути её обязательно нагонят. Но через несколько шагов до Киоко донеслись голоса, и она едва не сорвала свой маленький спектакль. Отец что-то обсуждал с самураями — разговора не получится. Даже её мать никогда не осмеливалась вмешиваться в дела императора и тем более перебивать его во время важных бесед.

Кто-то заторопился — она услышала тяжёлую поступь: так бегает только воины в полном облачении. Обычно в пределах дворца императорская охрана носила облегчённые доспехи, но исчезновение Кусанаги перевернуло здешнюю жизнь, и теперь каждый был готов к сражению в любое мгновение, будь то время ослепительной Аматэрасу или её бледного брата Цукиёми, не способного осветить этот мир.

— Киоко-химэ, — самурай нагнал Киоко, встал перед ней и низко поклонился. — Император желает вас видеть.

— Ох, отец хочет со мной поговорить? — она улыбнулась своей самой очаровательной из всех вежливых и в меру сдержанных улыбок. — Не будем заставлять его ждать.

Медленно обернувшись, она встретила взгляд отца — и улыбка стала шире. Не позволяя себе ускорить шаг, Киоко направилась к нему, стараясь не выдавать раньше времени обеспокоенность исчезновением Кусанаги.

— Киоко, — сурово произнёс отец, стоило ей приблизиться, — ты почему одна? Где твоя прислуга? Где твоя охрана, где самураи, которых я послал к тебе?

— Первейший, — Киоко поклонилась. — Мне хотелось побыть наедине с моими мыслями, и я не стала тревожить прислугу. К тому же розы скоро отцветут, нельзя было

упускать такую возможность. А суровость воинов несколько портит вид, — она обвела рукой сад и мягко улыбнулась.

— А знаешь, что ещё может испортить вид? Твоя отсечённая голова.

Император хмурился, глядя на дочь, и от его слов и этого взгляда у неё в груди предательски заскребли острые когти сомнений. Она действительно не заботилась о своей безопасности: дворец всегда был её крепостью, надёжно укрывающей глинобитной стеной от любого зла, его двенадцать ворот всегда тщательно охранялись. Но ведь зло как-то сумело проникнуть...

— Киоко, — отец заговорил мягче, и она почувствовала облегчение, — мы все ошибались насчёт безопасности дворца. Пока не найдём того, кто украл Кусанаги, не стоит быть такой беспечной. До тех пор я прошу: подчинись и позволь самураям тебя охранять. И почему они вообще тебя послушали? Я ведь отдал чёткий приказ — не покидать тебя, что бы ни происходило.

— Видимо, «что бы ни происходило» не включает мой побег до их прихода. Возможно, наших воинов не обучают маленьким женским хитростям. Стоит подумать об этом, если мы хотим улучшить армию империи, — она снова улыбнулась, пытаясь смягчить ситуацию и надеясь, что самураям не придётся поплатиться за то, что ей удалось от них скрыться.

— Поведение, недостойное принцессы, — он покачал головой и двинулся ко входу в обеденный зал. — Но твоя мама была такой же. Никогда меня не слушала. Её могли бы казнить за измену по меньшей мере десятков раз, если бы она не была моей женой.

Киоко последовала за ним, сохраняя свою улыбку. Ей всегда нравилось слушать, как отец говорил о матери.

Эти разговоры — то небольшое, что воскрешало её тепло хотя бы в памяти, — были слаще бобов в сахарной глазури.

— Но за это я её и любил. Она была достаточно мудра, чтобы оставаться покорной и всё же не наскучить мне за все годы, проведённые вместе.

— Ты знаешь, что ты единственный император за всю историю, который оставался верным супругом? Возможно, ты единственный во всём дворце, кто не интересуется другими женщинами.

— О да, до меня долетали эти слухи, — он усмехнулся. Такие редкие улыбки отца согревали сердце сильнее тысячи солнц.

— Я всегда восхищалась твоей любовью и мечтала, что мой муж будет хотя бы вполтину так же хорошо относиться ко мне, как ты к маме. Но... — она запнулась. Киоко не обсуждала свои переживания ни с кем, кроме Норико. Да и зачем императору знать о её сомнениях? Решение было принято шестнадцать лет назад, отступить всё равно некуда.

— Уверен, так и будет. Йоши вырос в прекрасного мужчину, он сумеет позаботиться о тебе должным образом.

Наверняка сумеет. В этом у Киоко не было сомнений. Но заботиться из чувства долга и по собственному желанию — всё же разные вещи. Первое люди делают для себя, чтобы выглядеть достойными в своих и чужих глазах. Второе — для тех, кого опекают, невзирая на то, как их забота выглядит со стороны. Так отец заботился о матери. Наперекор всем устоявшимся традициям он был искренним, открытым и верным мужем. Три качества, презираемых в столице Шинджу — Иноси, — он вобрал в себя и показал Киоко, что любовь состоит не только из придворных игр, а может быть гораздо глубже. Но, по всей

видимости, император был единственным на всю столицу. Ждать того же значило обречь себя на вечное одиночество, так что Киоко отбросила эти мысли и задала вопрос, ради которого затеяла эту случайную встречу.

— Мне не доложили о решении по поводу завтрашней свадьбы. Она состоится без Кусанаги?

— Это мы и обсуждали на совете в числе прочих... кхм, событий. Свадьбы не будет. Мэээхиро-доно настаивал, но нельзя связывать судьбы без меча, на нём произносятся клятвы перед Ватацуми. Я не представляю, как можно заключить брак без этой церемонии.

— Но это ведь не единственная церемония. Как же священные сосны? — Киоко не хотелось отступить. С одной стороны, свадьба с Йоши казалась не особенно счастливым событием, но не выйти замуж вовсе...

— Оба ритуала неразрывно связаны. Нельзя сделать дело наполовину и думать, что всё в порядке. Но ты не волнуйся. — Они вошли в обеденный зал, где воздух уже пропитался ароматом жареных грибов и водорослей. — Кусанаги быстро найдут. Не так легко спрятать большой вычурный цуруги, да ещё такой тяжёлый. Самураи уже обыскивают горожан. И когда меч вернётся к нам, всё пойдет своим чередом.

— Ты не выглядишь счастливой, — Норико вышла из-за пышной азалии и принялась к цветку. — Кстати, её лучше полить. Кая явно не очень ревностно ухаживает за твоими растениями. Может, лучше попросить садовника? Он кажется мне милым старичком. И вы вроде ладите.

— Да, неплохая идея, — рассеянно кивнула Киоко, усаживаясь на кровать. — Ну и с чего мне быть счастливой? Я теперь понятия не имею, что делать.

— Да брось ты, учи дальше свою историю. Зато никто не будет мешать. И переселяться нам не надо. Вдруг тебе во дворце сёгуна не выделяют собственной спальни, чтобы ты спала только с мужем? Или!.. — Норико замерла, а затем возбуждённо прыгнула на кровать, поставила передние лапы на колени Киоко и вперилась расширенными зрачками в её глаза. — Вдруг этот Йоши вообще против кошек? Я вот не думала об этом, а сейчас подумала. Ты бы обсудила с ним, что я прилагаюсь к принцессе!

— Обсудила бы, если бы вышла замуж.

Киоко успокаивающе погладила Норико по холке, отчего та послушно улеглась и продолжила бормотать вперемешку с урчанием:

— Да ты его даже не любишь. Вы вообще за все шестнадцать лет толком друг с другом не говор-р-рили. Вдр-р-руг он на ужин ест суп из детских голов?

Киоко устало усмехнулась.

— Ещё один ёкай в моей семье? Нет уж, благодарю, хватит мне зловещей кошки.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

